

УДК 94(57)

DOI 10.25513/2312-1300.2018.2.110-117

Д. Ю. Хоменко

**«РАЗЛИЧНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ И ВРАЖДА В РЕЗКОЙ ФОРМЕ»: К ИСТОРИИ
НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

Рассматривается один из эпизодов немецких переселений в Сибирь: заселение переселенческого участка Гнадендорф, сопровождавшееся поземельными конфликтами с русскими переселенцами и старожилами. Автор приходит к выводу, что конфликты носили этнический характер наравне с экономическими причинами. В работе выявлены практики властей (переселенческих чиновников) при решении поземельных конфликтов: стремление к компромиссам и решению конфликтов за счёт старожильческого населения.

Ключевые слова: поземельные конфликты; Енисейская губерния; переселения; немцы; Гнадендорф (Николаевка).

D. Yu. Khomenko

**“THE VARIOS MISUNDERSTANDINGS AND HOSTILITY IN THE SHARP FORM”:
THE STORY OF MIGRATION OF GERMANS TO THE YENISEI REGION
IN THE EARLY 20th CENTURY**

The article discusses one of the episodes of German migrations to Siberia: the creation of the village Gnadendorf. This creation was accompanied by a land conflict with the Russians. The author proves, that it was ethnic conflict, not only economic. The author shows how resettlement officials resolved land conflicts.

Keywords: land conflicts; Yenisei region; resettlement; German people; Gnadendorf (Nykolaivka).

Одной из особенностей переселенческого движения в Сибирь в позднеимперский период был полиэтничный состав участников: при несомненном преобладании русских в числе переселенцев были украинцы, белорусы, татары, эстонцы, латыши, немцы и другие, которые образовывали моноэтнические поселения. Данная статья касается обстоятельств образования в Минусинском уезде Енисейской губернии немецкой деревни Гнадендорф в начале XX в. Этот эпизод интересен по нескольким обстоятельствам. Во-первых, Енисейская губерния была крайней точкой на востоке, где имелись немецкие поселения. Подробные материалы о заселении сохранились только про Гнадендорф. Во-вторых, при образовании посёлка произошёл поземельный конфликт, в который

оказались вовлечены немцы-колонисты, самовольные русские переселенцы и крестьяне-старожилы окрестных селений. В Государственном архиве Красноярского края и в архиве города Минусинска обнаружен ряд дел, который позволяет не только весьма точно восстановить ход конфликта, но и выявить мотивы сторон. Довольно чётко в документах видна позиция властей, в первую очередь переселенческих чиновников.

Переселенческое движение в указанный период имеет солидную историографию. Немало исследований было посвящено и процессу землеустройства. Упоминания о немецких колонистах встречаются в дореволюционной и советской историографии. С 1990-х гг. началось систематическое изучение немецких переселений в Сибирь.

Среди прочих можно отметить работы Л. В. Малиновского [1], В. И. Бруля [2], И. В. Нам [3], И. И. Кротта [4], М. К. Чуркина [5], П. П. Вибе и др. В монографии последнего «Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект» [6] упоминается деревня Гнадендорф. В работах В. Г. Чернышёвой [7] и В. Г. Бандуриной [8] вкратце описан конфликт при заселении участка.

Указанный конфликт может быть охарактеризован как этнический. Под этническим конфликтом понимается «особая разновидность социального конфликта, которая выделяется по специфике участвующих в конфликте сторон, когда по крайней мере одна из конфликтующих сторон представлена этнической группой» [9, с. 466]. Вместе с тем этнический конфликт вовсе не обязательно носит исключительно этнический характер. Это может быть спор по любым проблемам между двумя этническими группами.

Цель исследования: выявить причины поземельного конфликта русских переселенцев и старожилов с одной стороны и немцев-колонистов – с другой, а также определить, каковы были практики властей при разрешении подобных конфликтов.

В 1898 г. в Минусинский уезд Енисейской губернии самовольно прибыли переселенцы из Самарской губернии, немцы по национальности. До этого они были водворены в Акмолинской области, однако, не удовлетворившись природными условиями, приняли решение переселиться в Сибирь. В 1901 г. они получили разрешение водвориться на п/у Серебряный Ключ Никольской волости Минусинского уезда [10, л. 5–6]. Однако вскоре выяснилось, что участок совершенно непригоден для сельского хозяйства. Примерно в 1902–1903 гг. переселенцам приглянулся запасной участок «Сайбар» Идринской волости Минусинского уезда. Немцы стали обращаться во все возможные инстанции с просьбой перевести названный участок в разряд переселенческих и разрешить им водвориться на нём. Известно, что они обратились с прошением к министру внутренних дел [Там же, л. 7], в 1903 г. – к Енисейскому губернатору, в 1904 г. – к Иркутскому генерал-губернатору [Там же, л. 4]. Доказывая необходимость своего переселения, немцы

апеллировали не только к неплодородности Серебряного Ключа. В дополнительном объяснении в Енисейское по крестьянским делам присутствие от 16 сентября 1904 г. переселенцы взывают к патриотическим чувствам чиновников, указывая, что на новом участке они бы «с благодарностью и благоговением исполняли свой долг и воспитали своих детей да выросли бы на славу Великому Государю и Отечеству» [10, л. 8]. Однако в 1904 г. все инстанции, к которым обращались немцы, отклонили их просьбы [Там же, л. 9].

Немцы-колонисты были отнюдь не единственными претендентами на участок «Сайбар». В 1906 г. русские переселенцы д. Ельчинской Ачинского уезда также обратились с просьбой перевести данный участок в переселенческий. Они были поддержаны крестьянским начальником 3-го участка Ачинского уезда [11, л. 11] и заведующим Енисейско-Иркутским переселенческим районом [Там же, л. 13–13 об.]. Следует предположить, что участок «Сайбар» неслучайно вызвал столь бурный интерес. Думается, что природные условия данного участка были очень хорошими. Обращает на себя внимание также и тот факт, что изначально государство запроектировало этот участок в качестве запасного, т. е. оставило его в своём распоряжении. Из текста письма заведующего районом на имя Енисейского губернатора, датированного июлем 1906 г., следует, что Енисейское губернское управление обратилось за инструкциями в канцелярию Иркутского генерал-губернатора, а оттуда запрос перенаправили переселенческим чиновникам [Там же, л. 13]. Такая долгая бюрократическая цепочка говорит о том, что случай был неординарный.

Известно, что немецкие колонисты добились значительных успехов в обустройстве на тех местностях Сибири, которые были слабо приспособлены к ведению земледельческого хозяйства. Примером могут послужить немецкие поселения в тарских урманах. Чиновник канцелярии Комитета министров Соосновский в 1899 г. отмечал, что «волынские немцы-колонисты принесли с собой в тарские урманы усовершенствованные приёмы земледельческой культуры, поразительное трудолюбие, выносливость и настойчивость в работе» [6, с. 50]. Не исключено, что именно вы-

сокая оценка трудовых качеств немецких переселенцев сдерживала сибирских чиновников от водворения их на высококачественный участок «Сайбар»: власти надеялись, что немцы смогут колонизовать слабо приспособленные к земледелию районы (а именно участок Серебряный Ключ).

В заседании Общего присутствия Енисейского губернаторского управления от 7 октября 1906 г. было решено отказать в переводе участка «Сайбар» в переселенческие [11, л. 31 об.]. Мотивировка была следующая: участок мог понадобиться для земельного обеспечения соседних старожильческих селений, в которых процесс землеустройства ещё не был завершён, а изъятие его «из запасного земельного фонда может вредно отозваться на ходе работ» [Там же, л. 31]. Однако такая забота о старожилах представляется как минимум притворной: участок был создан в процессе поземельного устройства старожилов, а значит, вряд ли можно было говорить о возможных прирезках. Тем более что прирезки земель старожильческим населением практически не производились, поскольку целью землеустройства был поиск свободных земель для переселения из Европейской России.

Дело сдвинулось с мёртвой точки в 1907 г. В документах упоминается несохранившееся прошение переселенцев Серебряного Ключа иркутскому генерал-губернатору. Следует полагать, что это было новое прошение, а не прошение 1904 г. В 1904 г. с енисейским губернатором сносились канцелярия иркутского генерал-губернатора, т. е. лично начальник края прошения не читал. В этот раз прошение попало на стол самому генерал-губернатору, который распорядился «озаботиться о скорейшем устройстве просителей» [12, л. 6]. Заведующий Енисейско-Иркутским подрайоном очень энергично начал процесс перевода участка «Сайбар» в переселенческие: запросил мнение Управления государственными имуществами Енисейской губернии, направил отношение в Общее присутствие Енисейского губернаторского управления, в котором дважды упомянул требование иркутского генерал-губернатора. Более того, заведующий подрайоном счёл необходимым обратиться в Общее присутствие, не дожидаясь официального ответа

на свой запрос от старшего чиновника по составлению отводных записей, по-видимому надеясь, что он будет положительным. Таким образом, следует полагать, что именно личное участие генерал-губернатора обеспечило как быстрое рассмотрение прошения, так и будущий успех просителей. Обращает на себя внимание настойчивость немцев: ими неоднократно были получены отказы, однако они не сдавались и продолжали атаковать бюрократическую машину.

Общее присутствие Енисейского губернаторского управления 9 июля 1907 г. вынесло решение в пользу немцев-переселенцев. И хотя иркутский генерал-губернатор в ходе рассмотрения не упоминается, вероятно, его мнение сыграло свою роль в принятии решения. На это указывает упоминание в тексте решения необходимости «уведомить... канцелярию иркутского генерал-губернатора» [12, л. 10].

В 1908 г., когда дело дошло до реализации решения Общего присутствия, внезапно выяснилось, что немцы уже самовольно живут на участке «Сайбар» в качестве арендаторов. Но кроме них на участке проживало также некоторое количество русских семей. Заведующий Минусинским подрайоном Захлыстин и заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии В. Ю. Григорьев подробно описали в своих донесениях сложившуюся ситуацию. Согласно их данным, на территории участка фактически появилось две деревни: русская и немецкая. Решение 1907 г. узаконило положение немцев и сделало незаконным пребывание русских на участке «Сайбар». Между русскими и немцами были замечены факты поземельных конфликтов, которые в документе 1915 г. описаны как «различные недоразумения и вражда в резкой форме» [13, л. 24]. К самовольным русским переселенцам имелись претензии не только со стороны немцев, но и со стороны старожилов соседних деревень. Захлыстин предложил «соломоново решение» – разделить переселенческий участок на два: один – для немцев, другой – для русских [14, л. 3]. Это решение было поддержано В. Ю. Григорьевым [Там же, л. 4]. Решение мотивировалось заботами о переселенцах: чиновники указывали, что выдворение самовольных русских пересе-

ленцев с участка «поставит их в крайне тяжёлое положение и даже многих сделает полными нищими» [14, л. 2 об.]. Думается, однако, что важной причиной такого компромиссного решения была также невозможность выдворения русских с участка: у переселенческих чиновников отсутствовали средства и силы для реализации подобного решения. Что же касается самих немцев, то в донесении указывается, что на своём сходе они согласились с возможностью компромисса, чтобы не усугублять конфликт с русскими [Там же, л. 3].

Однако разделение участка на два значительно сократило бы площадь земель, отведённых немцам. Переселенческие чиновники предложили решить эту проблему за счёт старожильского населения: прирезать к «Сайбару» земли соседних деревень в порядке поземельного устройства [Там же, л. 8]. Эта ситуация выявляет две тенденции в работе переселенческих чиновников: стремление к компромиссам и желание решить проблемы переселенцев за счёт старожилов.

Сами немцы-колонисты 12 октября 1908 г. подали прошение о выселении с их участка самовольно заселившихся русских. Этот документ входит в противоречие с приведённым выше сообщением чиновников о готовности немцев к компромиссу. Тому может быть разное объяснение: прошение было написано до схода, на котором немцы высказались за компромиссное решение, либо наоборот. Возможно, чиновник оказал давление на сход, а может быть, попросту допустил подлог в своём сообщении.

В прошении немцы указывают, что, вследствие самовольного заселения их участка русскими, а также самовольного захвата их покосов соседними крестьянами-старожилами, площадь их фактического землепользования значительно уменьшилась. Как следствие, они не могут допричислять новых членов. Малочисленность общества не даёт им возможности построить церковь и открыть школу: «Наше общество остаётся малодушным и малосильным, отчего нам и не представляется возможным строить церковь и школу, без коих жить нам представляется невозможным» [15, л. 8 об.]. Интересно, что немцы в своих прошениях старались апеллировать к своим верноподданническим чувст-

вам: либо напрямую, либо опосредованно. Думается, что в данном случае упоминание о церкви было показателем не набожности, а лояльности к власти.

Перед рассмотрением вопроса о разделении участка енисейский губернатор предпочёл снестись с Переселенческим управлением по поводу процедуры и самой возможности такого решения. Необходимость в консультации является показателем неординарности данной ситуации. В итоге в 1909 г. Общее присутствие Енисейского губернского управления приняло предложение переселенческих чиновников и разделило участок «Сайбар» на два: «Карасук» и «Гнадендорф» [16, л. 4 об.].

В процессе реализации переселенческие чиновники опять пошли на определённый компромисс: с одной стороны, в состав участка было введено 65 десятин земли, отрезанной у старожилов, с другой стороны, душевой надел «Гнадендорфу» был урезан с 15 до 12,23 десятин [15, л. 21]. Естественно, такое решение не могло устроить немцев, и они подают прошение о возвращении 15-десятинного надела [17, л. 5]. Кроме того, в пользование жителей Гнадендорфа был предоставлен лесной надел, однако он не был включён в переселенческий участок, и жители Гнадендорфа ходатайствовали о таком включении, «дабы мы могли на таком без препятственно (так в тексте. – Д. Х.) расчистить под сенокосные угодья и производить порубку леса для своей надобности» [Там же, л. 4–4 об.] В этой ситуации немцы в очередной раз продемонстрировали желание законно отстаивать свои интересы, а также высокий уровень юридической грамотности.

После деления участков прирезки были произведены не только к «Гнадендорфу», но и к участку «Карасук». Это вызвало недовольство старожилов Белоярского и Мало-Телекского сельских обществ, которые составили общественные приговоры (18 октября и 1 ноября 1909 г. соответственно) с требованием возврата отрезков. Интересно, что в обоих случаях в пользу Карасука были отрезаны покосы. Крестьяне д. Малый Телек обосновывали необходимость возврата тем, что они планируют допринять в своё общество 48 душ, а также тем, что покосы были орошаемые и крестьянами было вложено

немало труда, чтобы создать мочажную (орошительную) систему [17, л. 8 об.–9]. Крестьяне с. Белоярского обосновывали свои требования аналогично – они указывали на экономические потери от передачи покосов: «Новая межа не только лишила наше общество сенокоса в 200 копен... сделала бесплодной и остальную часть орошаемого луга, с которого снимается ежегодно более 1 500 копен сена, что, если перевести на деньги, составляет 500–600 р. ежегодного убытка» [18, л. 6 об.]. Кроме того, в надел Карасуку отошла запруда, которую жители Карасука намеревались разрушить. Таким образом, мотивировка требований немцев-колонистов и сибирских старожилов явно отличается: если первые апеллируют к верноподданническим чувствам, а также описывают бедственность своего положения на участке Серебряный Ключ, то вторые строят обоснование в основном на экономических мотивах и требованиях справедливости по отношению к себе. Они настаивали на возвращении «искусственного мочага, существующего... около сорока лет и потребовавшего довольно крупную затрату на восстановление таковой и приведение луговой местности в надлежащий вид, каковых затрат немало также требовалось ежегодно и последнее время» [17, л. 8]. Вместе с тем в прошениях немцев и сибиряков есть и общие мотивы – это ценностное отношение к труду.

Прошение крестьян с. Белоярского было поддержано крестьянским начальником 2-го участка Минусинского уезда Головачёвым. Из его донесения становится ясно, что главным камнем преткновения была не столько отрезанная площадь, сколько плотина. Переселенцы считали, что плотина загрязняет окружающие воды и почвы («образовался перед посёлком Карасук зловонный пруд благодаря сернистым ключам по берегу речки Карасук» [18, л. 4 об.]), и поэтому собирались её разобрать. Старожилам же плотина была нужна для орошения покосов. Крестьянский начальник посчитал обвинения в загрязнении почвы необоснованными. С его мнением категорически не согласился заведующий переселением и землеустройством в губернии В. Ю. Григорьев. Основываясь на данных исследования гидротехника Переселенческого управления Петровского, он дока-

зывал, что пруд действительно имеет загрязняющее значение для окружающей среды и его необходимо уничтожить «как главную причину загрязнения почвы и загнивания воды в долине названной речки» [18, л. 2].

Таким образом, среди местных властей произошло разделение: крестьянский начальник поддерживал старожилов, а переселенческий чиновник – переселенцев. Мотивация позиции первого неизвестна. Что же касается второго, то, как было указано выше, переселенческие чиновники всю создавшуюся ситуацию пытались решить за счёт старожилов, поэтому позиция Григорьева представляется последовательной. Вероятно, играла свою роль определённая узость мышления представителей разных ведомств: переселенческие чиновники заботились о переселенцах, крестьянские начальники – о старожилах. Подобная узость существовала не только на низовом уровне, но и в рядах высшей бюрократии [19, с. 197–201].

Общее присутствие Енисейского губернского управления, рассмотрев 20 мая 1910 г. прошения старожилов, приняло решение отказать обоим сельским обществам [17, л. 13–15; 18, л. 8–11 об.]. Особое внимание было обращено на плотину с. Белоярского: Общее присутствие постановило её разобрать [18, л. 11–11 об.]. Таким образом, губернская власть в очередной раз приняла точку зрения переселенческих чиновников. Вместе с тем нельзя не отметить, что аргументация Григорьева в данном споре была значительно более обоснованной, чем позиция Головачёва, поскольку опиралась на научные данные. Этот пример демонстрирует подход переселенческого управления к работе: научная обоснованность, грамотность и компетентность. Эти качества уже получали высокую оценку в научной литературе [20, с. 94].

Однако было бы ошибкой утверждать, что переселенческие чиновники и губернская власть всегда безоговорочно поддерживали переселенцев. Прошение гнадендорфцев о возвращении 15-десятинной нормы было отклонено Общим присутствием в том же заседании [17, л. 15].

Данный сюжет получил неожиданное продолжение в 1919 г. В переселенческие органы обратились переселенцы из Тамбовской и Калужской губерний с просьбой во-

дворить их в д. Николаевке (бывшая д. Гнадендорф, переименованная с началом Первой мировой войны) [21, л. 1, 3]. Из донесения заведующего Минусинским подрайоном заведующему переселением в губернии следует, что данные прошения были не первыми. Указывается, что эти (и не только) переселенцы прибыли в губернию «со времени переворота 1917 года» [Там же, л. 2]. Причины, по которым многие хотели заселиться именно на участке «Гнадендорф», следующие: во-первых, на нём оставалось 108 свободных долей; во-вторых, этот участок по своим природным условиям признавался одним из лучших во всём подрайоне. Таким образом, высказанное в начале статьи предположение о причинах острой борьбы за участок в начале XX в. получает своё документальное подтверждение.

Вызывает интерес тот факт, что на протяжении Первой мировой войны местные власти не только не посягнули на земельные права колонистов, но и не приселяли переселенцев нелютеранского вероисповедания, несмотря на существование ликвидационного законодательства. Последнее, активно внедрявшееся в Европейской России, в августе 1916 г. было распространено на сибирские губернии [22, с. 124]. Оно реализовывалось в Западной Сибири, в том время как в Алтайском округе оно применялось не в полной мере [23, с. 188–189]. В Восточной Сибири, как можно видеть на примере Гнадендорфа (Николаевки), ликвидационные указы не были реализованы.

Заведующий Минусинским подрайоном пришёл к заключению, что русских переселенцев нельзя приселить к немцам-колонистам «во избежание недоразумений и столкновений на почве совершенно различных укладов жизни». Автор документа обосновывает своё мнение не экономическими, а цивилизационными противоречиями между русскими и немцами. Как и десять лет назад, чиновник предлагает «соломоново решение»: разделить участок и поселить на свободной части русских переселенцев [21, л. 1 об.–2]. Налицо полная преемственность методов и подходов переселенческих чиновников.

Однако изучение фактического положения участка показало, что «раздел участка Гнадендорф на 2 участка не представляется

возможным за отсутствием водных источников». Поэтому заместитель заведующего переселением в губернии Нагаев предложил следующее компромиссное решение: не разделяя участка, водворить на него русских переселенцев, но поселить их отдельной деревней и не допустить чересполосного землепользования с немцами-колонистами [21, л. 6–7].

Итак, подробное изучение материалов, касающихся поземельного конфликта вокруг переселенческого участка «Сайбар», выявило следующее. Во-первых, кроме причин хозяйственно-экономических (желание водвориться на участке с хорошими природными условиями) «резкой форме» конфликта способствовали и цивилизационные различия между русскими и немцами-колонистами (названные в документах «разными укладами жизни»). В этом проявилась отличительная черта данного конфликта от многих других поземельных конфликтов в Минусинском уезде: так, конфликты между русскими старожилами и хакасами имели не этнические (цивилизационные), а исключительно хозяйственно-экономические причины [24, с. 400]. Таким образом, сделанное выше предположение, что конфликт может быть отнесён к этническим, подтверждается, но только при том подходе, который был заявлен, поскольку изначальные причины конфликта были экономическими и культурно-мировоззренческими, а не связанными с этническими стереотипами.

Во-вторых, довольно отчётливо видны некоторые особенности немецких переселенцев, прежде всего их юридическая грамотность и настойчивость. Даже явившись в Енисейскую губернию самовольно, получив недвусмысленные отказы в праве заселиться на участок «Сайбар», немцы-колонисты не отступили от своих замыслов и смогли найти те «болевые точки» у представителей сибирской администрации, надавив на которые они получили положительное решение. О юридической грамотности говорит тот факт, что, хотя многие из семей заняли участок «Сайбар» самовольно, они стремились закрепить это право на бумаге. В-третьих, налицо стремление переселенческих чиновников решать подобные конфликты путём компромиссов, принимая «соломоно-

вы решения» о разделении участков. Вероятно, причиной такого подхода была не только забота о переселенцах, но и осознание невозможности принудительного выселения самовольных переселенцев вследствие отсутствия каких-либо средств принуждения. Другой чертой работы переселенческих чиновников было стремление решить проблемы переселенцев за счёт старожилов прежде всего путём отрезков в ходе землеустроительных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малиновский Л. В.* Немцы в России и на Алтае : популярно-исторические очерки. – Барнаул : БГПУ, 1995. – 182 с.
2. *Бруль В. И.* Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – 191 с.
3. *Нам И. В.* Немецкие колонии в Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М. : Готика, 2000. – С. 17–30.
4. *Кротт И. И.* Немецкое сельскохозяйственное предпринимательство Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2000. – № 8. – С. 167–170.
5. *Чуркин М. К.* Иноэтничный фактор в колонизации Сибири: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX века // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. – Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. – С. 168–176.
6. *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. – 368 с.
7. *Чернышёва В. Г.* Немецкое население Минусинского округа в XIX – начале XX веков // Немцы в Сибири: история, язык, культура : тезисы Международной научной конференции (Красноярск, 13–16 октября 2004 г.). – Красноярск : РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. – С. 104–108.
8. *Бандурина В. Г.* Немецкое население села Николаевка Краснотуранского района Красноярского края // Мартыановские краеведческие чтения (1989–1999 гг.) : сб. статей и докладов. – Минусинск : ООО «Март», 1999. – С. 175–178.
9. *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2008. – 480 с.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 31. Д. 1314.
11. Там же. Оп. 29. Д. 769.
12. Там же. Д. 1273.
13. Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 71. Оп. 2. Д. 53.
14. ГАКК. Ф. 595. Оп. 39. Д. 1008.
15. АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 361.
16. ГАКК. Ф. 595. Оп. 39. Д. 707.
17. Там же. Д. 1219.
18. Там же. Д. 1211.
19. *Соловьёв К. А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 296 с.
20. *Ремнёв А. В., Суворова Н. Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск : Издат. дом «Наука», 2013. – 248 с.
21. АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 468.
22. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 304 с.
23. *Шиловский М. В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. – Новосибирск : Автограф, 2015. – 330 с.
24. *Хоменко Д. Ю.* Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник КГПУ. – 2012. – № 4. – С. 396–402.

Информация о статье

Дата поступления
4 марта 2018 г.

Дата принятия в печать
14 мая 2018 г.

Сведения об авторе

Хоменко Денис Юрьевич – преподаватель Красноярского медицинского техникума (Красноярск, Россия), ст. преподаватель Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 660123, Россия, Красноярск, ул. Инструментальная, 12;
660135, Россия, Красноярск, ул. Взлётная, 20
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Article info

Received
March 4, 2018

Accepted
May 14, 2018

About the author

Khomenko Denis Yurievich – Teacher of the Krasnoyarsk Medical Vocational School (Krasnoyarsk, Russia), Senior Teacher of the Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia)

Postal address: 12, Instrumentalnaya ul., Krasnoyarsk, 660123, Russia;
20, Vslotnaya ul., Krasnoyarsk, 660135, Russia
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Для цитирования

Хоменко Д. Ю. «Различные недоразумения и вражда в резкой форме»: к истории немецких поселений в Енисейской губернии в начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 110–117. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.110-117.

For citations

Khomenko D. Yu. "The Various Misunderstandings and Hostility in the Sharp Form": The Story of Migration of Germans to the Yenisei Region in the Early 20th Century. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, no. 2 (18), pp. 110–117. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.110-117 (in Russian).